

ТЕАТР — это живой организм. Тело у него одно, а душа много-человечна и состоит из стольких отдельных душ, сколько фамилий заполнило штатное расписание. Незаполненные единицы — это мертвые души, вернее, неродившиеся, их очень мало, а все те, кто расписывается в получении заработной платы, — души живые. Их много. Спросите в управлении делами у Пираи Абдуловны или в бухгалтерии у Евгении Александровны — сколько? — и они вам ответят, что на 1 декабря 1964 года живых душ у нас в театре было 202.

Каждый сотрудник театра — это часть его большой души. Естественно, что разные люди и разные должности входят в эту единую театральную душу не в одинаковом проценте.

Ведущий актер, исполняющий ответственные роли, больше влияет на жизнь театра, чем уборщица, но из этого вовсе не следует, что она совсем не участвует в жизнедеятельности всего театрального организма. Общая культура театра, культура его быта, стиль этого быта, бытовые взаимоотношения со зрителем в огромной степени зависят и от уборщицы, и от билетера, и от начальника пожарно-сторожевой охраны.

Пусть долевое участие технических работников в творческой жизни театра меньше, чем доля тех, кто занимает должности актеров, музыкантов, художников, все равно от качества работы и преданности своему делу швейцара, истопника, дворника или уборщицы весь организм театра зависит куда больше, чем многим из нас кажется. А уж о таких должностях, как рабочие сцены, электрики, радисты, и говорить не приходится. И иногда бывает так, что рабочий сцены четкостью своей работы, оперативностью, полной отдачей себя создает спектакль, а актер, держатель кула большого количества «акций» спектакля, небрежностью, ленью, завышением, самовольством разрушает спектакль, наносит всему театральному организму травму, которая иногда долго не заживает, а при повторных ранениях может и загнотиться.

Был у нас когда-то уборщик мужской физиологической уборной. Человек с большим физическим недостатком. Вероятно, с неудавшейся личной жизнью и одновременно человек интересный, умный, с большими способностями к математике и музыке. Уборную он содержал в идеальном порядке, а театр и его спектакли любил какой-то истовой любовью. Человека этого давно нет, но вспоминаю я его с любовью, считаю своим другом, товарищем. Очень достойным членом коллектива.

И был у нас актер. Молодой, способный, играл серьезные роли. Был театру нужен. Но всем своим поведением, отношением к товарищам, ложью, пьянством, грубостью он разрушал театр. И вспоминаю я о нем как о враге. Черт с ним, с его способностями. Сколько бы он ни давал театру, все равно отнимал он у него во много раз больше.

Театр — живой организм, и, как всякий живой организм, он может умереть. И, как всякий живой организм, он подвержен болезням. Больным и маленьким. Органическим и инфекционным. Естественно, что болезней, поддающихся лечению, у театра, как и у человека, больше, чем болезней неизлечимых, хронических и смертельных.

Мы часто говорим, особенно на отчетно-перевыборных собраниях, что у нас здоровый коллектив. Ну что ж. Это правда. Он достаточно крепкий, достаточно сильный, достаточно жизнерадостный и оптимистический. Оптимизм и жизнелюбие — основные признаки здоровья театра. Это, так сказать, румянец на его щеках. Но этим свойством обладают вовсе не все члены нашего коллектива. Наоборот, есть закоренелые пессимисты и

НОВОГОДНИЕ ЗАБОТЫ

Сергей Владимирович Образцов написал в новогодний номер стенгазеты Центрального театра кукол статью. В дружеской беседе с соратниками по труду основатель и бессменный руководитель театра поделился своими мыслями о путях развития театрального искусства, о людях, его создающих. Вопросы, затронутые в статье, на наш взгляд, выходят за пределы интересов одного коллектива. Мы публикуем ее с небольшими сокращениями.

Люди со скукой в глазах, иногда естественной, а иногда и нарочитой. А это уже заболевание. Пусть не всего организма, а какой-то его части, но все-таки заболевание. Мы же знаем, что царапина на пальце может превратиться в нарыв, а нарыв — в гангрену. Значит, надо лечить. В разных случаях по-разному — теплым компрессом, иодом, витаминами.

Внимание к коллективу — это значит внимание к каждому. Забота о каждом и спрос с каждого. И если говорить о пожеланиях театру к Новому году, то я пожелал бы дирекции, партийной организации и местному комитету успехов в самом главном: в сплочении коллектива, в излечении всех тех больших и маленьких болезней, которые мешают работе, мешают созданию новых серьезных, нужных спектаклей. мешают держать на уровне премьеры давно идущих спектаклей, мешают каждому и всем ощущать свою жизнь, свою деятельность как деятельность прежде всего гражданскую. Без этого ощущения игра с куклами становится игрой в куклы. Для этого не стоит ни жить, ни работать.

Здоровье театра должно быть заботой не только всех, кто официально за театр отвечает, но и каждого члена коллектива и особенно тех, кто является фактическими создателями спектакля: актеров, режиссеров, музыкантов, художников. За тридцать три года своего существования театр болел и тяжело, и легкими болезнями. Вряд ли можно назвать хоть какой-нибудь период, когда он был бы абсолютно здоров во всех своих частях и цехах. Бывали буквально кризисы...

Не было у нас инфаркта. Это правда. Мы с волнением и тревогой следили за тем, когда такое несчастье происходило в каком-нибудь другом театре. Мы ведь были свидетелями не только инфарктов, но и театральных смертей. Некоторые казались естественными, а некоторые фактически были убийствами.

Над нами, тифу-тфу, никогда и никто не заносил дамковского меча, ни разу нас не укладывали в постель, предлагая не двигаться, чтобы не произошло кровоизлияния, и ни разу не делали нам вливания чужой крови.

Не на что нам жаловаться, ничего, кроме внимания, любви и помощи, мы не получали ни от нашей фактической матери — Народного комиссариата просвещения, ни от Министерства культуры РСФСР, которое приняло на себя все материнские обязанности.

Почти все наши недомогания или болезни происходят по нашей вине, и мы же их должны лечить.

А болезни были и большие, и маленькие. И сейчас их порядочно. Почти прединфарктное состояние было у театра пятнадцать лет тому назад, когда ушел директор, возглавлявший всю административно-эксплуатационную деятельность театра на протяжении многих лет. В последние годы наши с ним отношения дошли до предела взаимных претензий, взаимного непонимания и прямых ссор. Коллектив лихорадило. Многие боялись ухода директора, организационным способностям которого верили.

И действительно, первые месяцы после его ухода были очень трудными и для театра, и для меня, тем более, что у театра были филиалы (один в Ленинграде, другой в Калинин), производственные мастер-

ские, принимавшие большие заказы со стороны, организованный совместно с ВТО, литературный театр и связанные со всем этим расходы, доведшие убыточность до двух миллионов в год.

Постепенно все эти неорганические для театра наросты были ликвидированы, прединфарктное состояние прошло, и коллектив успокоился. Но эта серьезная болезнь была все-таки болезнью, так сказать, чисто административной, влиявшей на творческое состояние.

По существу, гораздо более опасным был другой период в жизни театра. Тем более опасным, что заболевание не сразу было нами осознано. Начало болезни относится к тем сложным и мрачным годам, которые завершились сталинским култом. Трагическими были эти годы для советской интеллигенции. Под видом борьбы с космополитизмом нечестные, а порой и явно реакционные люди развернули непостижимую кампанию, стоившую страсти многих покаянных судеб: больших ученых, врачей, актеров, критиков. Именно в эти годы сектанты биологии преступно тормозили прогрессивную генетику, а сектанты физики, прикрываясь псевдофилософскими концепциями, делали все, чтобы не дать развиваться кибернетике. Именно в эти годы на советской сцене возникли убогие пьесы под тем предлогом, что в перечне действующих лиц числились «сто процентные положительные герои». А то, что талант автора не обладал даже 50 процентами положительности, считалось несущественным.

Именно в эти годы театральная критика потворствовала появлению на советской сцене убогих пьес. Именно в эти годы лучший театр страны МХАТ был вынужден поставить «Зеленую улицу».

Мы — кукольный театр, мы не были в такой степени на виду, значит, и пострадали меньше, но в один прекрасный день раздался звонок из Комитета по делам искусств: «Обыкновенный концерт» играть нельзя, он «искажает» советскую действительность».

«Но ведь мы же высмеиваем все то, что плохо...» — «А зачем надо высмеивать? Если плохо, надо просто запретить: в спектакле нет антитезы, нет баланса, нет положительного героя. Значит, играть спектакль нельзя». В этой статье у меня нет времени рассказывать о том, как постепенно «Обыкновенный концерт» был амнистирован и какую роль в этом сыграла приставка «не». Во всяком случае в ночь после директивного звонка я бродил по московским улицам и придумывал «положительного героя». Так родилась идея спортивного обозрения, превратившаяся потом в пьесу В. Полякова «2:0 в нашу пользу». Спектакль имел успех. И вот возникли спектакли: «Сармико», «Любит... не любит», «От южных гор до северных морей», «Дело о разводе».

Я не хочу хаять ни одну из этих пьес. Не хочу уходить от ответственности за них. Ведь тогда они мне нравились. Но наступил момент, когда болезнь натурализма стала очевидной. И очевидным оказалось, что на этом пути до обрыва, с которого театр полетит кубарем, осталось всего несколько шагов.

Много лет назад поставленный нами спектакль «По шучьему велению» выглядел по сравнению с «Сармико» или «Любит... не любит» таким чистым, таким точным по

жанру, таким «кукольным», что необходимость срочно сворачивать с «дорожки бедствий» стала очевидной...

Наш художественный совет нашел в себе мужество снять с репертуара то, что мы считали неверным. Нам никто не приказывал это делать. Да и зрители на некоторые из этих спектаклей охотно шли. И все-таки мы поступили безжалостно и решительно, значит, по счастью, не произошло еще в болезни нашей «необратимые процессы».

В общем от вируса имитации мы освободились, и нынешние наши спектакли ни по драматургической конструкции, ни по режиссерским приемам, ни по степени пластической обобщенности кукол ничем не похожи на те, в которых действовали мультжи-человеческих тел и человеческих чувств. Я надеюсь, что болезнь наша прошла окончательно, но выздоровление вовсе не уменьшает наших трудностей.

Большая требовательность и даже жесткость, которая возникла у нас по отношению к каждой новой пьесе, каждому сценическому решению, новой кукле, заставляет нас отказываться теперь от многих авторских предложений, заставляет вновь и вновь пересматривать идущие спектакли, переделывать декорации и куклы.

Что подлаещь. Только так можно двигаться дальше. А если начнем топтаться на месте, зрители перестанут ходить, и вся наша гордость за «предварительные списки» и очередь перед кассой по четвергам и пятницам исчезнет. Трудность борьбы за новый, современный, гражданский репертуар — это не болезнь, это норма всякого театра, если он хочет быть настоящим, то есть нужным людям.

Но есть у нас безусловные признаки болезни, связанные с возрастом. Нам больше тридцати лет. Некоторые из нас работают в театре со дня основания, многие проработали 25—30 лет, некоторые пришли в театр 10 лет назад. И почти нет таких, кто работает всего 2 или 3 года. Нескольких наших прекрасных товарищей мы похоронили. Некоторые ушли по старости на пенсию, но никого и никогда мы не «выводили на конкурс» и вряд ли когда-нибудь это сделаем. И все-таки проблема актерской смены перед нами стоит.

Дело не только в том, где достать новых молодых талантливых актеров. В конце концов их найти можно. Никогда ведь талантливые люди не деваются, они вокруг нас. Нужно только присмотреться повнимательнее. Важнее другое. Что нужно сделать для того, чтобы пришедшие «на готовенькое» молодые люди, не пережившие вместе с театром его беды и трудности, тем не менее полюбили театр так, как любят его многие «старички», — больше себя.

Как сделать, чтобы он стал для них таким же, как для нас. Одновременно и своим отцом, и своим ребенком. Это процесс трудный, индивидуальный для каждого, но произойдет он только в том случае, если старички по отношению к молодым будут и строги, и предельно добры.

Вредно всякое захваливание, но и не менее вредно всякое цуканье с позиций мажорности. И, если в начале статьи я сказал, что желаю дирекции, партийной организации и местному комитету успеха в сплочении коллектива, то сейчас, заканчивая статью, я желаю всем прежде всего дружбы. И творческой, и личной дружбы между цехами, между актерами, дружбы принципиальной, широкой, рабочей, основанной на любви к театру и вере в его нужность советским людям.

Желаю каждому счастья и радости от каждой работы, от каждой роли, от каждого спектакля.

С Новым годом, товарищи!

С. ОБРАЗЦОВ.